

Часть первая

1

Офелия.

Она была юна. Не больше восемнадцати. Возможно, и меньше. Ее волосы намокли, и в сумраке было не разобрать, светлые они или каштановые. Ее белая одежда ярко выделялась на фоне темной реки, словно подчеркивая белизну свежего снега, тяжело легшего на землю. Бледное лицо со слегка приоткрытыми посиневшими губами было повернуто к чернильному небу. Согнутые ветви, лишённые листьев и местами сломанные зимней непогодой, будто сами подхватили ее, чтобы спасти, удержать на плаву.

Пар от его дыхания создавал подобие тумана.

Несмотря на неистовый лай Бисквита, он слышал, как громко хрипело у него в груди, и, казалось, тревога, что привела его с дорожки к берегу реки, пришла откуда-то издалека. Он оцепенел. Было пять сорок пять утра, и в реке была мертвая девочка.

«Я клише, — было его следующей связной мыслью. — Я гуляющий ранним утром собачник, который находит тело».

Бисквит метался вверх и вниз по грязному снегу, добегая до края воды, взбешенный, нетерпеливый, встревоженный таким изменением их обычного распорядка, его *неправильностью*.

Собака повернулась мордой к хозяину и заскулила, но он все еще не мог перестать пялиться, пальцы вцепились в телефон, лежащий в кармане толстой куртки.

А потом он заметил это. Всего лишь легчайшее движение ее руки.

Затем, через пару секунд, еще одно.

Он выгуливал Бисквита так рано не по необходимости, а из-за тишины. Потому что время течет медленнее в часы, когда мир еще спит. Это было очень спокойное время, да и он никогда не любил много спать.

Вечерняя прогулка предназначалась для вежливых разговоров с другими хозяевами собак, пока их питомцы бегали по лесу и парку. Утро же принадлежало только ему. Это был его распорядок, точный как часы, не нарушавшийся при любой погоде, только изредка его могла изменить болезнь. Подъем в пять, даже если он закончил записывать только в два часа ночи. Потом кофе. Выход из дома точно в пять двадцать. Однако этим утром они вышли на пять минут позже, что было редкостью. Бисквит спрятал ошейник, который в итоге нашелся под диваном. Затем прогулка через луг и вдоль извилистой реки, около часа в лесу, а после этого по пути домой он заходил за газетами, которые читал во время завтрака. Еще он брал теплый круассан в пекарне, если они уже были готовы. Это время было священным и принадлежало только ему и Бисквиту, дополнительные часы драгоценной жизни. Иногда он звонил младшей сестре в Нью-Йорк — успевая поймать ее перед сном и проверяя, возвращается ли ее мир все еще в верном направлении, — и после горько-сладкого момента река жизни забирала сестру обратно и уносила от него. Иногда она удивляла его по утрам, звоня сама, и эти дни были самыми лучшими.

Похожая на мрамор рука снова шелохнулась, и вдруг он почувствовал, как холодок пробежал по спине, ощутил собственное сердцебиение. Он ясно слышал громкий лай Бисквита, а затем телефон оказался уже возле его уха и к общему гаму добавился его голос. Закончив говорить, он бросил на землю телефон и снял куртку. Река не заберет эту девочку, пока не придет ее время.

*

Потом все происходило как в тумане. Весь воздух вышел из легких от шока, когда он шагнул в ледяную воду. Он поскользнулся. Почти ушел под воду. Судорожно дышал. Ухватившись

за что-то онемевшими пальцами, тянул ее к берегу. Тяжесть ее промокшей одежды и неожиданная тяжесть его собственной. Он закутал ее обмякшее тело в куртку. Ломкость ее мокрых волос. Отсутствие теплого дыхания из ее рта. Он говорил с ней сквозь стучащие от холода зубы. Бисквит облизывал ее замерзшее лицо. Зазвучали сирены. Его завернули в плед. *Пройдемте со мной, пожалуйста, мистер Мак-Махон, все в порядке, я вам помогу. Все хорошо, теперь мы этим займемся.* Его поставили на ноги, которые еще плохо двигались, и повели к «скорой помощи». Но прежде он увидел мрачные лица. Покачивание головой. Дефибрилятор.

Разряд!

Пока они работали, стояла страшная тишина. Он, мир, природа — все замерло. Но не время. Время продолжало идти. Сколько минут? Сколько они просидели на берегу, пока она не начала дышать? Сколько прошло времени до того, как приехала «скорая»? Десять минут? Больше? Меньше?

Я чувствую пульс! Я чувствую пульс!

А затем он заплакал, горячими и внезапными слезами, вырвавшимися из глубины души.

Стоящий возле него Бисквит придвинулся к нему, и он ощутил запах влажной шерсти. Пес царапал когтями его лицо, облизывал щеки, посапывая и скуля. Он обнял его, подтащил под плед, а затем поднял взгляд на зимнее небо, которое уже не было ни по-настоящему ночным, ни утренним, и подумал, что оно никогда так сильно ему не нравилось.

2

Суббота, 9.03

Дженни

Почему ты не берешь трубку? Возьми телефон! Твою мать.

9.08

Дженни

У тебя телефон на вибро? ПРОСНИСЬ!

10

9.13

Дженни

Я волнуюсь. Мама плачет. Думаю, она все еще пьяна. Хочет поехать в больницу. Какого черта??

9.15

Дженни

ВОЗЬМИ ЧЕРТОВУ ТРУБКУ!!!

Что, блин, происходит?

09.17

Хейли

Тут был отец Сью!!! Разбудил меня.

Меня, блин, трясет. Какого хрена, какого хрена, какого хрена?!

Наберу тебя из ванной. Удали эсэмэски.

Вчерашний день 2. ЧЕРТ?!

9.18

Дженни

К.

09.19

Хейли

НИЧЕГО НЕ РАССКАЗЫВАЙ

3

— Ребекка!

Голос ее матери, громкий и требовательный, прорезал мозг Бекки, и она натянула одеяло на голову, чтобы спрятаться от него и снова погрузиться в дрему. Была суббота. Слишком рано. Сколько бы ни было времени, еще слишком рано. И очень холодно. Пальцы ее ног были ледяными, и холодный воздух пробирался под одеяло в зазоры между ним и кроватью. Она, подтянув одеяло ногой, закуталась в него.

— Ребекка! Спустишь вниз! Это важно!

Она не шелохнулась. Что бы это ни было, оно может подождать. Хотя бы пять минут. Она дышала неглубоко, не желая высовываться, чтобы глотнуть воздуха. Ее волосы пахли дымом, голова слегка болела — прощальный подарок вчерашней травки и табака. Если еще нет двенадцати, она убьет маму. Субботы принадлежали ей. Это был их уговор.

— Сейчас же! Я серьезно!

Она отбросила одеяло и села, злая. Что, черт возьми, может быть таким срочным? Она мысленно прошла по замутненным воспоминаниям. Не было ночных перекусов, поэтому в кухне не должно было остаться никаких коробок от пиццы или банок из-под колы. Телевизор выключен. Она заперла дверь на оба замка. Все, что она сделала, — это вернулась домой, тихо прошла в свою комнату и выкурила последний косяк, выпуская дым в окно, прежде чем отключиться под какую-то дурацкую комедию на «Netflix»¹. Даже *не поздно* пришла. Она взглянула на открытое окно и вздохнула. «Молодец, Бекс. Неудивительно, что тут как в Антарктиде». По крайней мере, в воздухе не было запаха застоявшегося дыма.

— Бекка! — Пауза. — Пожалуйста, дорогая!

— Иду! — крикнула она в ответ голосом, похожим на шорох гальки, и в голове застучало от этого усилия.

«Теперь без обычных сигарет», — подумала она, натягивая спортивные штаны и надевая через голову толстовку. В груди было отвратительное ощущение. В комнате было как в холодильнике, и кожа у нее стала гусиной. Сок. Ей нужен был сок. И чашка чая. И сэндвич с беконом. Может, сойти вниз — не такая уж плохая идея. По крайней мере, там тепло. Но все же разговор с матерью с самого утра был не тем, в чем она *когда-либо* нуждалась. Она предпочитала вставать после того, как все уже уходило из дома. Побывать в тишине, для чего не нужно запирается у себя в комнате. Еще два года, и она сможет сбежать в университет. Уехать из этого дома, из этого удушливого

¹ «Netflix» — американская компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

города — и вперед, к свободе. Возможно, в Лондон. Определенно в большой город. Туда, куда Эйден мог бы поехать с ней, чтобы строить там свою музыкальную карьеру.

Они бы жили как богема, и в конце концов однажды в журналах появились бы истории об успешной паре, когда-то сидевшей на лапше «Рамэн» в какой-то захудалой и закоптелой (но все же крутой) квартире и в то же время следовавшей за своей мечтой. Вот как это будет. Но все еще оставалось два *долгих* года до того, как это станет чем-то бóльшим, чем фантазия под кайфом.

Она с трудом собрала волосы в подобие хвостика, побрызгала их дезодорантом и, шаркая ногами, вышла из своего святилища, захватив с кровати телефон. Она нажала на кнопку возврата, чтобы посмотреть время. Десять тридцать четыре.

Четырнадцать сообщений в «iMessage», шесть в «WhatsApp» и два пропущенных звонка. Она нахмурилась, удивленная списком имен. Она не была настолько популярна. У нее никогда не было с утра четырнадцати сообщений, разве что от Эйдена, когда он был под кайфом. Она пролистывала их, пока спускалась по лестнице. В основном это были групповые переписки. Это понятно. Ее многие добавляли в друзья в социальных сетях. Она не позволила крошечным иглам себя ужалить. Ну какое ей до этого дело?

Слышали новости?

Знаете, что пишут о Таше Хоулэнд?

Сумасшедшая история в новостях!
Вы должны это увидеть!

К тому времени, когда она прочитала все сообщения и дошла до кухни, она уже полностью проснулась. Во рту пересохло.

Мать, стоя у кухонной стойки, смотрела маленький телевизор, установленный в углу, против покупки которого так

боролся ее отец, — *слишком много телевизоров, компьютеров, телефонов, везде технологии, никто больше не разговаривает*, — но проиграл битву, два против одного. Перед ней на тарелке лежал нетронутый тост. Она, побледневшая, даже не оглянулась, не оторвала взгляд от экрана.

Кожу Бекки покалывало, частично от мрачного предчувствия, частично от необъяснимого волнения.

— Что случилось с Ташей? — спросила она. — Мой телефон разрывается.

Тогда мама, повернувшись, заключила неуклюжую фигуру Бекки в свои объятия, обдав ее теплым ароматом крема для лица и духов с цитрусовыми нотками. Даже по субботам Джулия Крисп следила за собой. Ее тонкие руки под кашемировым свитером были мускулистыми, и Бекка при виде ее мгновенно начинала чувствовать себя толстым ребенком, каким она когда-то была, снова и снова. Поговорка «яблоко от яблони» совсем им не подходила.

— Это ужасно. Она в коме. И это во всех новостях. — Мать гладила ее рукой по спине, но Бекка отстранилась, притворившись, что хочет лучше видеть телевизор.

В присутствии мамы она чувствовала себя неловко. Переходный возраст возвел между ними барьеры, и ни одна из них не знала, как их преодолеть.

— Я уверена, с ней все будет в порядке, дорогая. Я уверена, так и будет.

— Она попала в автомобильную аварию?

Наташа в коме? Этого просто не может быть. Такое дерьмо не случается с девочками типа Наташи. Это происходит с такими, как Бекка.

Она выдвинула стул, села и начала смотреть новости, игнорируя жужжание телефона и мамино заботливое щебетание. На экране Хейли и Дженни, с красными глазами, но все равно выглядящие идеально, спешили в больницу с прицепившимися к ним, словно сухие листья к шерсти, родителями. Еще две Барби. Конечно они там. Поспешили к своему любимому лидеру.

— Я знаю, что вы были близки, дорогая. Хочешь...

— Шш. — Она заставила мать замолчать, даже не взглянув на нее.

А тем временем репортер с покрасневшим от пронизывающего холода носом отбрасывала назад волосы, которые ветер задувал ей на лицо, и говорила в микрофон с той неискренней искренностью, на какую способны только журналисты.

*

Спустя час Бекка стояла на маленьком балконе в квартире Эйдена, дрожа рядом с ним, пока он прикуривал «Marlboro Light». Он протянул ей пачку, и она взяла сигарету, ее утренняя решимость бросить курить исчезла. К черту. Как бы то ни было, сейчас слишком рано для косяка, и даже в расслабляющей атмосфере дома родителей Эйдена явные наркотики были под запретом. Его мама, наверное, подозревала, что он курит травку, — наверняка чувствовала запах из его спальни, — но была далека от того, чтобы мириться с этим.

— Говорят, что она была мертва тринадцать минут. — Бекка переступала с ноги на ногу, чтобы не так холодил ледяной воздух, пока они курили. — То, что ее смогли реанимировать, называют чудом.

— Ей повезло, что так холодно. — Эйден смотрел на падающий снег. Сильный снегопад продолжался с рассвета.

Бекка подумала, что он выглядит почти как ангел на фоне белого и серого, покрывающего мир. Возможно, не такой ангел, какими их представляют другие, но все же ангел для нее. Бледное лицо, острые черты, густые темные волосы и эти ясные глаза, сияющие синевой из-под длинной бахромы ресниц. Ангел или вампир. В любом случае, ей до сих пор приходилось иногда щипать себя, чтобы поверить, что он с ней.

— Наверное, это ее и спасло, — сказал он. — Ледяная вода снизила температуру ее тела так быстро, что сердце стало работать в таком режиме выживания.

— Откуда ты об этом знаешь? — спросила Бекка.

Он застенчиво усмехнулся: